

В.А. ИЛЬИНЫХ
ОПРЕДЕЛЕНИЕ КУЛАЧЕСТВА
(сибирское измерение)

Кулачество как социальный и политический феномен является одним из постоянных объектов внимания отечественной историографии. Существенный вклад в изучение репрессивной политики сталинского режима в отношении крестьян, причисляемых к кулакам, внес С.А. Красильников. Поднимая вопрос о категориальном аппарате, он расценивает использование в научной литературе термина кулак и производных от него понятий применительно к периоду 1930-х – начала 1950-х гг. без кавычек, как научно некорректное и морально ущербное следование идеологизированной лексике сталинской эпохи¹. Действительно, *«к началу 1930-х гг. традиционный тип «кулака» претерпел столь значительную трансформацию»*², что в данном историческом контексте к кавычкам или заменяющим их словосочетаниям типа «так называемое» руки тянутся не только у Сергея Александровича, но и у ряда других исследователей. Однако вопрос о том, когда кулачество потеряло или начало терять свои типичные черты и в чем они заключались, остается открытым. В настоящей статье мы поставили задачу показать, как в период с 1880-х до 1930-хх гг. включительно в обыденном сознании и аналитической литературе решался вопрос определения качественных и количественных характеристик кулачества. Анализ постсталинской советской и современной историографии поставленной проблемы выносятся за рамки данной работы.

Так же, как и «раскрестьянивание» термин «кулак» является продуктом народного творчества. В. Даль приводит ряд синонимов слову кулак как крепко сжатой кисти рук, которые объясняют этимологию его социального смысла: *«скупец», «скряга», «крепьши»*. Кроме того, по Далю, кулаками называли мелких скупщиков сельхозпродукции у крестьян: *«перекупищик, переторговщик, маклак, прасол, сводчик, особенно в хлебной торговле, на базарах и пристанях, сам безденежный живет обманом, обсчетом обмером; <...> торгоши с малыми денежками, ездит по деревням, скупая холст, пряжу, лен, пеньку, мерлушку, щетину, масло»*³. Данный типаж существенно отличается от традиционного.

Затем наш герой приобрел более узнаваемые черты. Кулаками стали называть крестьян, занимавшихся не только и не столько торговлей (причем не в столь мелких масштабах, как это изображено у Даля), сколько ростовщицеством. Используя неразвитость рыночной инфраструктуры в пореформенной России, они устанавливали кабальные условия возврата денежных и натуральных ссуд (в т.ч. в форме отработок), а также крайне низкие цены на приобретаемые у односельчан сельхозпродукты. Отсюда бытовавшее в деревне образное, синонимичное определение кулака – «мирод». Именно в данном значении термин «кулак» стал использоваться публицистами и аналитиками, которые так же как и односельчане его не жаловали. Так, один из основателей сибирского областничества, Н.М. Ядринцев, характеризуя сибирского кулака, заявил, что *«тип этот грубый и бессердечный, не доступен человеческим чувствам, справедливости и упорен в своей косности»*⁴.

Генезис данного слоя крестьянства описал современный исследователь А.В. Гордон: *«Продолжая дореформенную практику кустарных промыслов и отходничества, удачливые крестьяне (а к ним присоединилась и крепостная верхушка, бурмистры, старосты) заводили собственное, обычно торговое дело. Возвращаясь в деревню, доходы от подобного рода занятий принимали форму торговоростовщического капитала, который на ранних этапах коммерциализации аграрной сферы занял монопольное положение»*⁵.

Другой группой зажиточного крестьянства являлись относительно крупные товаропроизводители (предприниматели). Их к кулакам изначально не причисляли. В народнической литературе «кулак» и «хозяйственный мужик» рассматривались как противоположные и не связанные между собой типы сельской жизни. В.И. Ленин в своем фундаментальном труде «Развитие капитализма в России» подчеркивал, что они являются двумя формами одного и того же экономического явления – развития капиталистических отношений⁶. При этом он вынес сельских ростовщиков за пределы крестьянской буржуазии, в ряды которой он включал самостоятельных хозяев, ведущих торговое земледелие, и владельцев торговых и торгово-промышленных предприятий. В то же время Ленин не отрицал различий между двумя типами зажиточных крестьян, связывая первый с зачаточными формами капитализма, а второй – со зрелыми капиталистическими отношениями.

Нараставшее аграрное перенаселение в центральных регионах России привело к обострению внутрикрестьянских социальных противоречий. Это, а также традиционно негативное отношение большинства жителей деревни к богатству в их среде привело к частичному отождествлению крупного крестьянина-товаропроизводителя с сельским ростовщиком и перекупщиком и в народном сознании. В результате обе группы стали называть кулаками. Отчасти подобное соединение было связано с их реальным переплетением. Пользуясь благоприятной конъюнктурой, сельские ростовщики и торговцы расширяли масштабы сельхозпроизводства. А предприниматели в ряде случаев предлагали кабальные условия найма. Следует отметить, что крестьяне, воспринимаемые односельчанами как кулаки, сами себя таковыми, а тем более «мироедами», не считали.

Столыпинская аграрная реформа не сгладила, а наоборот обострила внутрикрестьянские противоречия. Крестьяне, недовольные сокращением общинного надела, крайне негативно относились к отрубникам и хуторянам, которых и марксисты, и неонародники определяли как фермеров. Переселявшиеся в Сибирь крестьяне, которым для наращивания состоятельности требовалось время, воспринимали крепкие хозяйства старожилов как кулацкие. Тем более, что старожилы широко прибегали к найму переселенцев, ссужали их деньгами и зерном, зачастую на условиях, воспринимаемых последними как несправедливые.

После Октябрьской революции зажиточные жители деревни единым фронтом выступили против продовольственной политики советского государства. Соответственно и большевистские теоретики перестали их дифференцировать, соединив и предпринимателей, и торговцев с ростовщиками в единый класс – кулачества, по В.И. Ленину, *«самых зверских, самых грубых, самых диких эксплуататоров»*⁷. При этом зачисление крестьянина в кулаки, как правило, происходило по политическим признакам. Нормативные акты с перечнем критериев отнесения к кулачеству отсутствовали. Единственным зафиксированным в историографии⁸ исключением является составленная летом 1920 г. в Тюменской губчека «Инструкция по учету кулацкого элемента губернии по регистрационным карточкам № 7». В ней перечислялись основные признаки, по которым крестьянское хозяйство можно было считать кулацким: использование наемного труда *«с целью извлечения денежной и материальной выгоды и прибыли»*; занятие торговлей; владение промысловыми

предприятиями; *«состояние церковными старостами»*. Кроме того, к кулакам следовало отнести бывших членов городских, уездных, волостных земских управ, а также зажиточных крестьян, разорившихся в годы Гражданской войны. Последние, по мнению тюменских чекистов, представляли собой *«самый для нас опасный элемент, прикрывающийся чужой шкурой»*⁹.

Крупные торгово-ростовщические и предпринимательские хозяйства ликвидировали во время Гражданской войны. В первые годы после реставрации советской власти в Сибири были либо разорены продовольственной разверсткой и первым продналогом, либо самостоятельно сократили размеры своих хозяйств и менее крупные зажиточные хозяйства. Тем не менее это не стало основанием для вывода о ликвидации кулачества. Кулак по-прежнему присутствовал в политических сводках и на страницах советской прессы.

В 1923 г. началось восстановление сельского хозяйства, которое сопровождалось наращиванием состоятельности крестьянства. Обратившись к ситуации в деревне, XII съезд ВКП(б) пришел к выводу, что создаваемые нэпом социально-экономические отношения ведут к росту удельного веса кулачества *«в лице хозяйств, увеличивающих свою мощь путем сдачи в кредит сельскохозяйственного инвентаря, семян и скота на тяжелых ростовщических условиях, взятия земли в аренду или путем торговли, путем производства и продажи самогона и т.п.»*¹⁰.

Обострение противоречий между большевистским режимом и крестьянством, а также логика внутривластной борьбы в 1925 г. привела к относительной либерализации аграрной политики. В ходе практического осуществления курса РКП(б) «Лицом к деревне» был проведен ряд мероприятий, отвечающих интересам крестьянства. С целью стимулирования товарности крестьянских хозяйств расширились законодательные рамки применения найма рабочей силы и аренды земли. Местные власти получили приказ о прекращении *«борьбы административными мерами»* против кулачества¹¹. Кандидат в члены Политбюро ЦК компартии М.И. Калинин публично заявил: *«Кулак из экономической категории превратился в политического козла отпущения: где бы что ни стряслось – гадит кулак»*¹². Одним из следствий подобного подхода стал сделанный некоторыми аналитиками тезис об отсутствии кулака в деревне. К такому же выводу пришли члены ряда комиссий по обследованию сибирской деревни. Одна из комиссий, по словам секретаря Сибкрайкома ВКП(б)

С.В. Косиора, сообщила, что *«в Новониколаевской губернии был один кулак, да и тот сгорел»*¹³.

Подобная позиция была подвергнута резкой критике со стороны представителей «левой оппозиции», заявлявших о полномасштабном возрождении в условиях нэпа капиталистической дифференциации деревни. Лидеры партийного большинства (в т.ч. Н.И. Бухарин и А.И. Рыков) с этим согласиться не могли. Признание факта капитализации деревни ставило под сомнение правильность проводимой ими аграрной политики, а ее отрицание противоречило ленинскому постулату о том, что мелкотоварное производство *«рождает капитализм и буржуазию постоянно, ежедневно, ежечасно, стихийно и в массовом масштабе»*¹⁴. Выходом из создавшейся коллизии стала формулировка, принятая XV конференцией ВКП(б): *«Особенностью дифференциации крестьянства является то, что наряду с ростом кулацких элементов деревни и пролетаризацией некоторой части бедняцких хозяйств происходит экономический подъем другой части бедняцких хозяйств. Середняцкая масса деревни, пополняясь экономически поднимающимися бедняцкими хозяйствами, остается по-прежнему главной силой земледелия»*¹⁵.

Отстаивая свои воззрения, оппоненты использовали материалы сельскохозяйственных переписей, в которых крестьянские хозяйства группировались по посевному признаку. При этом деятели «левой оппозиции» относили к крупнопосевным (кулацким) хозяйства сибирских крестьян с посевом свыше 8 дес.¹⁶, сторонники официальной точки зрения – с посевом свыше 10 дес.¹⁷ Близкий к организационно-производственной школе известный сибирский статистик И.В. Яровой считал богатыми крестьянами лишь тех, кто засеивал более 16 дес.¹⁸ Согласно материалам выборочной сельскохозяйственной переписи 1926 г. в сибирской деревне удельный вес дворов с посевом свыше 8 дес. составлял 11,4%, свыше 10 дес. – 6,4, свыше 16 дес. – 1,5%¹⁹.

Наиболее веским доказательством тезиса об осереднячивании крестьянства его адептами были названы материалы гнездовой динамической переписи 1927 г., согласно которым к «мелкокапиталистическим» относилось 6,7% крестьянских дворов Сибирского края. В южносибирской деревне насчитывалось 6,2% хозяйств «сельскохозяйственных предпринимателей», 0,4 – торговцев, 0,3% – владельцев промышленных предприятий²⁰. Данные показатели были получены по итогам об-

работки переписи по методике В.С. Немчинова, в соответствии с которой в основу определения принадлежности крестьянского хозяйства к классовой группе была положена стоимость основных средств производства в комбинации с т.н. социальными признаками. Подобная методика, безусловно, была более совершенной, нежели посевная. Однако границы между группами и в этом случае оставались субъективными. В Сибири они были установлены решением созданной при Сибкрайкоме ВКП(б) «комиссии по методологии изучения классового расслоения в деревне»²¹. Естественно, что полученные результаты полностью отвечали позиции правящей верхушки компартии в ее споре с оппонентами как слева, так и справа.

Проведенный нами сравнительный анализ социальной структуры сибирского крестьянства показывает, что относительно дореволюционной нэповская деревня не осередничилась, а нивелировалась на более низком уровне²². При этом количество и состоятельность зажиточного крестьянства существенно сократились. Соответственно сгладились и социальные противоречия.

Большевистский режим недолго следовал «новым курсом» в отношении крестьянства. Уже в 1926 г. началась корректировка аграрной политики. Увеличилась налоговая прогрессия. В облагаемую базу стали включаться доходы от сдачи в наем сельхозмашин. В арену борьбы с кулачеством вновь превратились перевыборы сельских советов. С кампании 1926/27 г. в перечень оснований для лишения сельских жителей избирательных прав включалось использование наемного труда «с целью извлечения прибыли»²³. В Сибирском крае в 1927 г. по «социальным» признакам лишили избирательных прав 34,1 тыс. селян (в т.ч. за применение наемного труда – 14,6 тыс.), в 1929 г. – 45,2 тыс. (26,9 тыс.). Удельный вес лишенцев в целом, включая членов семей, в общем числе избирателей составлял в 1926 г. 0,5%, в 1927 г. – 2,9, в 1929 г. – 4,3%²⁴.

В конце 1920-х гг. советское государство резко ужесточило экономическое и политическое давление на зажиточное крестьянство. Чтобы расколоть деревню, перетянуть менее состоятельную ее часть на свою сторону, власти разжигали в деревне социальные конфликты. Бедноту натравливали на своих зажиточных соседей, устраивали ей соответствующее «промывание мозгов», подкупали, освобож-

дали от налогов и сборов. Исчезнувший было «кулак» вновь заполнил прессу, агрессивно внедрялся в сознание.

С 1928 г. для крестьян, относимых властями к категории кулаков, вводился особый («индивидуальный») режим налогообложения, существенно увеличивавший его тяжесть²⁵. В начале 1929 г. были законодательно установлены т.н. кулацкие признаки: скупка сельхозпродуктов и сырья с целью перепродажи; занятие торговлей; денежное и натуральное ростовщичество; «систематический» наем рабочей силы и сдача сельхозмашин; аренда пашни в размерах, превышающих т.н. трудовую норму; владение промысловым заведением при условии использования на нем наемной рабочей силы или применения механического двигателя, включая относительно крупный водяной или ветряной; сдача в аренду помещений под жилье, торговое заведение или промысловое предприятие²⁶. На местах этот список мог уточняться или расширяться²⁷.

На основании законодательно установленного лимита местные органы власти получили задания по выявлению кулаков. В Сибирском крае в 1929/30 г. оно составило 4% от общего числа дворов. Однако такого количества зажиточных крестьян в деревне не было даже по данным официальной статистики. Весенняя гнездовая перепись 1929 г. зафиксировала в регионе всего лишь 1,8% «мелкокапиталистических» хозяйств²⁸. Абсолютное большинство крестьян, ранее относимых к кулакам, либо самостоятельно сократило размеры хозяйств («самораскулачилось»), либо разорилось, либо было репрессировано. В дальнейшем процессы снижения мощности зажиточных дворов и сокращения удельного веса еще более усилились. В итоге к началу 1930 г. зажиточное крестьянство как социально-имущественная группа деревни свое существование фактически прекратила.

Лидеры правящей партии игнорировали данное обстоятельство и провели массовое раскулачивание деревни²⁹. Однако и после этого ее зачистка от кулаков продолжалась. Данный ярлык мог получить любой политически неблагонадежный, с точки зрения властей, сельский житель или переехавший из деревни горожанин. До 1938 г. продолжалось выявление кулаков в фискальных целях. В 1933 г. в качестве кулацкого признака рассматривалось «злостное» невыполнение посевных планов и иных государственных обязательств³⁰. Вывод о ликвидации в СССР эксплуататорских классов, включая кулачество, был сделан в 1939 г. Снятие с учета спецпосе-

ления и восстановление в правах находившихся там крестьян осуществлялось поэтапно с 1947 г. и завершилось окончательной ликвидацией т.н. кулацкой ссылки в 1954 г.

Однако фантом кулака не растворился и после этого. На окраинах городов полагаются сформированные в период коллективизации бежавшими из деревни крестьянами микрорайоны частных домов, которые неофициально называются «кулацкими поселками». Кулаком в постсталинские времена называли односельчан, имеющих большое личное подсобное хозяйство. О необходимости «раскулачивания» хозяев в шутку вслух (и/или всерьез про себя) говорят гости, увидевшие обильный стол и дом. В современных условиях определение кулака достается фермерам, которых иногда «раскулачивают».

Таким образом, кулачество – социально-имущественная группа крестьянства, которая в отличие от других страт деревни имеет только внешнюю идентификацию. Групповую или персональную принадлежность к кулачеству определяли власти, аналитики, односельчане, использовавшие для этого различные основания. Одним из них являлся размер доходов хозяйства, существенно превышавший средний. Однако базовым критерием причисления к кулакам оставались осуждавшиеся сельским обществом или государством способы достижения состоятельности. Сами же кулаки себя таковыми не считали и самоопределялись как зажиточные крестьяне. Кулачество всегда было «так называемым», а потому вполне может обойтись без кавычек. Их оно заслуживает не более, чем многие «советские» термины. Например: советская власть, которая очень скоро *de facto* перестала быть таковой. Впрочем, идиосинкразии закавычивание кулака у нас не вызывает.

¹ Красильников С.А. Серп и молот. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е гг. М., 2003. С. 8–9; Красильников С.А., Саламатова М.С., Ушакова С.Н. Корни или щепки. Крестьянская семья на спецпоселении в Западной Сибири (1930-е – начало 1950-х гг.). Новосибирск, 2008. С. 5, 13.

² Красильников С.А., Саламатова М.С., Ушакова С.Н. Корни или щепки. С. 14.

³ Даль Вл. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. II: И–О. М., 1979. С. 215.

⁴ Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. СПб., 1882. С. 73.

⁵ Гордон А.В. Формирование хозяйствующей личности в пореформенной российской деревне и отражение этого процесса в современной литературе // Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе: Материалы XXVII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Вологда, 2001. С. 233.

⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 177.

- ⁷ Там же. Т. 37. С. 40. В «Развитии капитализма в России» В.И. Ленин сельских предпринимателей таковыми не считал.
- ⁸ См.: Шишкин В.И. Секретная операция Тюменской губчека по учету кулацкого элемента (июль 1920 – апрель 1921 г.) // Сибирская деревня: проблемы истории. Новосибирск, 2004.
- ⁹ Там же. С. 110.
- ¹⁰ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1984. Т. 3. С. 116.
- ¹¹ Там же. Т. 3. С. 341.
- ¹² Известия. 1925. 22 марта.
- ¹³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 16. Д. 1026. Л. 23.
- ¹⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 6.
- ¹⁵ КПСС в резолюциях... Т. 4. С. 77.
- ¹⁶ Дьяков В. Некоторые данные о классовом расслоении деревни // Советская Сибирь. 1926. 11 нояб.; Клейтман Л. Капиталистические тенденции в сибирской деревне // На ленинском пути. 1927. № 4–5.
- ¹⁷ Брик С. Экономические процессы в сибирской деревне // Жизнь Сибири. 1927. № 4–5; Сырцов С. Неудачное выступление тов. Сафарова // Большевик. 1927. № 13.
- ¹⁸ Яровой И.В. Экономика сибирской деревни. Новосибирск, 1926.
- ¹⁹ Сборник статистико-экономических сведений по Сибирскому краю. Новосибирск, 1927. Вып. 1: Сельское хозяйство. С. 101.
- ²⁰ Сибирский край: Стат. справочник. Новосибирск, 1930. С. 213, 248.
- ²¹ ГАНУ. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 31. Л. 89. По решению комиссии кулаками считались все торговцы, имеющие патенты, все владельцы промысловых предприятий, нанимающие рабочих. В основе зачисления в данную категорию остальных крестьян находилась группировка по размеру посева. Посевные группы, в свою очередь, делились на три подгруппы по стоимости средств производства (до 500 руб., от 500 до 1250 руб. и свыше 1250 руб.). Для каждой из подгрупп определялась соответствующая длительность использования наемной рабочей силы и сдачи сельхозмашин. Так, для подгруппы со стоимостью средств производства до 500 руб. и в группе с посевом до 4 дес. были установлены следующие кулацкие признаки: «а) наемный труд свыше одного года; [или] б) сдача усовершенствованного инвентаря не менее как на 20 дней; [или] в) наемный труд свыше 150 дней в соединении со сдачей инвентаря более чем на 10 дней». Основаниями для причисления к кулакам хозяйств с посевом свыше 12 дес. и средствами производства от 1250 руб. и более являлись: «а) наемный труд не менее 50 дней; [или] б) сдача машин не менее как на 5 дней; [или] наемный труд в соединении со сдачей машин». – Там же. Л. 354–355.
- ²² Ильиных В.А. Крестьянское хозяйство в Сибири (конец 1890-х – начало 1940-х годов): тенденции и этапы развития // Крестьянская семья и двор в Сибири в XX веке: проблемы изучения. Новосибирск, 1999. С. 55–56.
- ²³ До 1926/27 г. избирательных прав лишались сельские предприниматели, лица, живущие на нетрудовые доходы, частные торговцы и посредники, служители культа, бывшие полицейские, жандармы, белые офицеры, лица, состоявшие на особом учете ОГПУ. – ГАТО. Ф. П-25. Оп. 1. Д. 64. Л. 15; Д. 117. Л. 14 об.
- ²⁴ Гуцин Н.Я., Ильиных В.А. Классовая борьба в сибирской деревне. 1920-е – середина 1930-х гг. Новосибирск, 1987. С. 117, 190.
- ²⁵ Подробнее об особом режиме налогообложения хозяйств, относимых к кулацким, см.: Политика раскрестьянивания в Сибири. Новосибирск, 2000. Вып. 1: Этапы и методы ликвидации крестьянского хозяйства. 1930–1940 гг.; Ильиных В.А. Налогово-податное обложение сибирской деревни. Конец 1920-х – начало 1950-х гг. Новосибирск, 2004.
- ²⁶ Политика раскрестьянивания в Сибири. С. 17–18.
- ²⁷ Сибкрайисполком включил в кулацкие признаки на 1929/30 г. в т.ч. наличие сепаратора, на котором перерабатывается молоко за деньги или продукты, за исключением мест, где

отсутствуют маслозаводы или сливоотделения. Определение количества человеко-дней найма в год, которое не считалось «систематическим», было отнесено крайисполкомом в компетенцию окрисполкомов (Ильиных В.А. Налогово-податное обложение сибирской деревни. С. 29). В Томском округе основанием для причисления хозяйства в разряд кулацких являлась, в частности, «*систематическая эксплуатация паузков*» (грузовых лодок). – ГАНУ. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 940. Л. 167.

²⁸ Политика раскрестьянивания в Сибири. С. 11.

²⁹ Раскулачивание деревни детально описано в работах Н.А. Ивницкого, Н.Я. Гущина, С.А. Красильникова и других исследователей.

³⁰ Политика раскрестьянивания в Сибири.